
ДИССОЦИАТИВНОЕ РАССТРОЙСТВО ИДЕНТИЧНОСТИ В СВЕТЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

ВЛАДИМИР МИКАЕЛЯН

Относительно диссоциативного расстройства идентичности в науке сформировалось более или менее полное представление, разделяемое в целом различными школами и учеными. Основные подходы к проблеме едины в признании основных критериев, позволяющих диагностировать данное расстройство. Диагноз нарушения идентичности в DSM-III-R учитывал два критерия.

1. Критерий А включал в себя наличие двух или более отдельных идентичностей или личностных состояний.

2. Критерий В характеризовал личностные состояния, которые рекуррентно контролируют поведение.

DSM-IV характеризует нарушения идентичности в связи с добавлением к критериям А и В критериев С и D.

3. Критерий С – неспособность человека вспомнить определенную личностную информацию, содержание которой слишком велико, чтобы объяснить это обычной забывчивостью. Речь идет о том, что пациент не может сообщить о себе важных сведений, несмотря на отсутствие у него какой-либо патологии интеллектуально-мнестической сферы. Специалисты выявляют несоответствие между неспособностью пациента вспомнить необходимую информацию и отсутствием у него органических изменений, выраженных настолько, чтобы до такой степени амнезировать события своей жизни.

4. Критерий D – нарушения идентичности не являются следствием прямого физиологического воздействия какого-то вещества, «их невозможно объяснить наличием у пациента какой-либо болезни, например, повышением температуры, связанной с инфекционным заболеванием»¹. В современной психиатрии и клинической психологии существует важнейшая дифференциация нарушений идентичности и диссоциативных расстройств. Ц. П. Короленко отмечает, что нарушения идентичности часто встречаются в детском возрасте и связаны с развитием воображения ребенка. Это связано с идентификацией ребенка с героями сказок. Однако нарушения идентичности не являются диссоциативными нарушениями, так как не отражаются на поведении ребенка, то есть поведение ребенка контролируется им в различных ситуациях. Диссоциативное нарушение или расстройство идентичности включает в себя формирование и функционирование различных личностных состояний, не контролируемых единым «Я». Каждое из личностных состояний «выражается уникальностью, присущей только этому состоянию, со своей историей, захватывающей разные сферы пациента – идентичность, собственный имидж, отдельное имя, фамилию, отличные от настоящей. Человек обозначает себя в этом состоянии как вполне обособленную личность»².

¹ Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Социодинамическая психиатрия. М., 2000, с. 132.

² Там же.

Многообразие поведения личности также не может считаться диссоциативным нарушением (расстройством). Рассматривая варианты типичного и атипичного поведения личности, мы волей-неволей вступаем во владения социальной психологии, а конкретнее, затрагиваем проблематику социальных ролей. Глубокая идентификация с социальной ролью активизирует Альтер-личности, однако при этом, в отличие от диссоциативных расстройств, поведение личности подчинено контролю первичной идентичности. Однако при слишком высокой эмоциональной включенности в социальную роль часто первичная идентичность становится пассивной и уступает функции контроля второй Альтер-личности. Тем не менее, даже в этом случае мы не можем говорить о диссоциативном расстройстве, так как эмоциональная включенность в роль носит более или менее фрагментарный характер, а контроль первичной идентичности сохраняется. В этом случае мы можем говорить о манипулировании второй Альтер-личностью, при сохранении контрольной функции первичной идентичности. Каждая Альтер-личность, обладая собственным возрастом, имеет свою продолжительность жизни. Именно в этом вопросе мы сталкиваемся с удивительным феноменом: живя в одной идентичности, человек может прожить жизнь совершенно иначе, чем если бы он жил в другой альтернирующей идентичности. И наоборот.

В такой ситуации напрашивается гипотеза об обусловленности продолжительности жизни различными идентичностями. Кроме того, заслуживает внимания вопрос о том, обусловлены ли заболевания личности ее идентичностью. Хотя и этот вопрос предполагает однозначно положительный ответ, в случае диссоциативного расстройства идентичности это не так. Конечно же, в таком случае появляется искушение предположить, что продолжительность жизни личности обусловлена всегда доминантной идентичностью, однако вопрос не решается таким примитивным способом. К сожалению, он до сих пор не исследовался должным образом.

Человек в каждый данный момент может осознавать присутствие одной из двух личностей попеременно, однако осознавать их в целостном контексте он не в состоянии. Эти альтер-личности имеют различный возраст, а часто и пол, другое имя, по-разному переживают этническую принадлежность и часто относят себя к различным этносам. Все эти характеристики наводят на мысль о том, что субличности, или Альтер-личности, реальны. Забегая несколько вперед, отметим, что часто некоторые виды психотерапии как раз и пробуждают в пациенте эти самые Альтер-личности. По замыслу они должны выполнять позитивные функции; на этом принципе построен знаменитый рефрейминг в НЛП. Это означает, что как при патологии, так и при психотерапии мы имплицитно имеем дело с различными Альтер-личностями пациента.

Мы не подвергаем, таким образом, сомнению наличие различных Альтер-личностей в психике человека, мы всего лишь говорим о норме и патологии функционирования последних. Поэтому при самом общем подходе можно считать, что диссоциативное расстройство идентичности – это потеря контроля Я над остальными субличностью, которые в норме как раз подконтрольны ему. Это проблема нормы и патологии субличностей или контроля и целостности их функционирования. В состоянии нормы каждый человек подвергается попеременному захвату субличностью поля сознания, однако эта оккупация носит

фрагментарный характер и не освобождается от контроля самосознания. То, что мы называем временным помрачением сознания, и является, по сути, атакой какой-либо субличности и попыткой захвата территории контролирующего сознания. Иначе говоря, это попытка определенной вытесненной субличности приобрести автономию. Мы также считаем, что дистанцирование субличностей можно рассматривать как своеобразную попытку ассимилировать пережитые травматические эпизоды жизни, включения их в единое психологическое поле личности, объединить их методом дистанцирования. Диссоциативные расстройства идентичности мы определяем как нарушения временно-(возрастного) ракурса психического функционирования личности.

Различные субличности – это параллельно функционирующие психические реальности, обладающие различными возрастными и психофизиологическими параметрами. Прошлое личности в ракурсе психологического анализа – изменяющаяся категория. Проблеме изменчивости прошлого посвящено очень интересное исследование В. В. Нурковой. В частности, она выводит следующие положения: 1) прошлое всегда неоднозначно; 2) то, что мы помним о себе, не равно тому, что с нами произошло в реальности; 3) память о прошлом всегда конструируется, но это конструирование может быть как защитным, неосознаваемым и деструктивным, так и личностно прогрессивным³. Настоящее и будущее личности определяются ее прошлым; этот разделяемый большинством исследователей факт подвергается серьезному пересмотру при диссоциативном расстройстве идентичности. Однако не сама обусловленность настоящего прошлым вызывает споры. Проблема в ином. Что именно личность считает своим прошлым: то, что прожито на самом деле и объективно реально, или то, что сама личность воспринимает в качестве своего прошлого? Причем последнее относится не только к лицам с явной патологией, но и к тем, кто считается психически нормальным.

Фактологическое прошлое личности не идентичное психологическому прошлому. Это подводит к мысли о том, что прошлое неоднозначно и может вмещать в себя различный биографический материал, не всегда поддающийся верификации. Психика человека содержит в себе потенциальные биографии, о которых основная идентичность не имеет информации. Если придерживаться описанной выше этиологии формирования расстройства множественной личности, в частности травматической обусловленности РМЛ, то становится вполне понятным бессознательная защита, выражающаяся в форме амнезии или отчуждения от основной идентичности. Вытесненная идентичность заполняется Альтер-личностью, обладающей собственной биографией. Однако в этом процессе «включения» новой идентичности остается один очень существенный невыясненный вопрос: как и каким образом формируются новые биографии личности? Каким образом вообще возможно формирование новых личностей? Если периоды амнезии заполняются некими воспоминаниями, некой новой биографией, новым возрастом, а часто и новым полом, то, следовательно, все эти Альтер-личности потенциально существуют или тлеют в психике человека. Тем не менее, это допущение также оставляет вопрос без окончательного ответа и, судя по всему, усложняется уже некими эзотериче-

³ См. Нуркова В. В. Зеркало с памятью. М., 2006, с. 308.

скими интерпретациями. Это с одной стороны. С другой же, если мы обратимся к концепции коллективного бессознательного К. Г. Юнга, то проблема потенциала альтер-личностей получает свое объяснение; правда его эмпирическим доказательством остается само РМЛ. И в этом случае мы попадаем в некий замкнутый круг, выходом из которого становится принятие той или иной концепции, или той или иной парадигмы формирования психики человека.

Тут возможно также обращение к биогенетическому закону Ф.Мюллера и Э.Геккеля, согласно которому в индивидуальном, прежде всего эмбриональном развитии высших организмов происходит закономерное повторение (рекапитуляция) признаков, свойственных их биологическим предкам. Онтогенез повторяет в сокращенном варианте филогенез. Эта модель, как известно, была распространена на развитие психики человека, в соответствии с ней психическое развитие индивида в силу биологической закономерности повторяет путь исторического развития предшествующих поколений. Дж. Хиллман считает, что «клиническое состояние, называемое деперсонализацией, как раз и демонстрирует то, что имеет в виду Юнг. То есть может произойти утрата личной реальности и идентичности при том, что все другие функции эго — восприятие, ориентация, память, ассоциация и т. д. — остаются в целостном виде. Деперсонализация указывает, что ощущение личности, сама вера и убежденность в собственной реальности как индивида зависят от некоего фактора трансцендентного эго-личности, выходящего за рамки ее чувственной (sensorium) и волевой сферы»⁴. Дж. Хиллман отмечает также чрезвычайно важный момент в понимании личности. Он, по сути, комментирует позицию К.Г. Юнга в отношении парциальности и психики в целом.

«Понимание любых личностных процессов как взаимодействия и связи между различными парциальными личностями позволяет сразу же установить *через саму теорию* все психологическое поле, внутреннюю общность. Существуют взаимоотношения. Существуют контрасты и конфликты – не между чертами характера, или побуждениями, или отделами мозга, а между индивидуальными лицами, каждое из которых достойно уважения, каждое представляет комплекс и составляет трудность для понимания, каждое обладает известным влиянием на телесную политику целостной психики, как и в случае Я (эго-личности). Юнговская теория – отнюдь не эго-психология, поскольку эго, по определению, также является (и всегда остается таковым) личностью парциальной»⁵. Для аналитической психологии состояние множественной личности естественно. Всякая личность множественна.

«Множественная личность свойственна человеческому проявлению. Поэтому каждая личность является потенциально расщепляемой на парциальные личности. Это одновременно и регрессивная угроза и прогрессивная дифференциация. Индивидуальность (что, согласно Юнгу, означает не-раздельность) есть контраположность естественной разделимости. Индивидуальная личность означает вмещаемое разнообразие, дифференцированное единство, которое не является ни простым, ни единым. Целостность личности означает напряжение между частями высокой сложности. Множественная диссоциабельная личность остается пожизненной юнговской доктриной. Мы наблюдаем ее в ранних рабо-

⁴ Хиллман Дж. Архетипическая психология. СПб., 1996, с.20.

⁵ Там же, с.34.

тах Юнга о шизофрении, в его интересе к парапсихологии, к галлюцинаторным видениям и диссоциациям равно как и в его автобиографическом описании самого себя в терминах личности номер один и личности номер два»⁶.

Мы вновь возвращаемся к основному вопросу: как формируются Альтер-личности, или парциальные личности в терминах аналитической психологии? Мы с самого начала предположили, что в психике личности изначально должны существовать потенциальные субличности, иначе их появление становится сложно объяснимым. Они могут формироваться в течение онтогенеза и присутствовать в качестве филогенетического прошлого. Точка зрения аналитической психологии сводится к следующему: «Парциальные личности собраны под именами тени, персоны, эго (герой), анимы, анимуса, пуэра (вечной юности), сенекса (мудрого старца), трикстера (плута), великой матери, многозначительного животного, целителя, божественного дитяти, самости. С одной стороны, это имена архетипов, то есть типичных персонажей мифов, искусства, литературы и религии во всем мире. С другой стороны, это типичные фигуры сновидений, семейных ролей, личных эмоций и патологий, структурирующих наше поведение. Их можно обнаружить повсюду, где человеческое воображение разрабатывает свои собственные продукты от религиозных догм до галлюцинаторных верований, от “сублимированного” искусства до галлюцинирующего психоза. Эти фигуры являются примерами того, как каждая личность может решать, когда та или иная парциальная личность будет доминировать в общем раскладе, и они же представляют точки зрения или позиции, управляющие нашими идеями и чувствами относительно внешнего мира и нас самих. Конечно, все они со своими вариациями сразу не возникают, так что дело не в запоминании самого “состава исполнителей варьете” с тем, чтобы знать психологию личности. Но дело, по мнению Юнга, в признании того, что личность архетипически обусловлена или что личность является диалектической сценой, на которой на протяжении всей человеческой жизни многие воображаемые персонажи разыгрывают свои роли, вступают в связи и договариваются друг с другом»⁷.

Э. Нойманн прослеживает архетипическую эволюцию сознания: «В ходе онтогенетического развития индивидуальное сознание мыслящей личности должно пройти те же архетипические стадии, которые определяют развитие сознания человечества в целом»⁸. Сознание человека – продукт длительного развития психики, личность появляется на довольно поздней стадии развития. Поэтому психика отдельного человека включает в себя весь филогенетический опыт эволюции, весь доличностный уровень мировосприятия. Индивидуализированный сознательный человек нашей эры – это продукт поздний, его структура выстроена на более ранних доличностных стадиях развития человечества, от которых его индивидуальное сознание отделялось лишь шаг за шагом.

«Поэтапная эволюция сознания в равной мере касается как человечества в целом, так и отдельного индивида. Поэтому онтогенетическое развитие может рассматриваться как модифицированное повторение филогенетического»⁹. В описаниях стадий развития сознания Э.Нойманн выделяет начало, которому

⁶ Там же, с.36.

⁷ Там же, с.39.

⁸ **Нойманн Э.** Происхождение и развитие сознания. М. 1998, с.2.

⁹ Там же, с.7.

соответствует форма круга или мандалы, чистая бессознательная сфера, из которой в дальнейшем начнет вырисовываться собственно сознание. Мандала в своей сути – явление сугубо бессознательное, оно отражает понятие космоса или первую ступень оформления сознания. Естественно, эта бессознательная ступень не имеет ни пространства, ни времени. «Окружность, сфера и круг – все они являются аспектами "замкнутого в себе", не имеющего ни начала, ни конца; в своем первозданном совершенстве оно предшествует любому процессу, оно вечно, так как в своей круговой форме не имеет ни до, ни после, не имеет времени; и в нем нет ни верха, ни низа, ни вообще пространства»¹⁰.

Окружность как символ непроявленной божественности символизирует собой чистое довременное бессознательное. Это единство противоположностей, это синтез, который еще должен быть дифференцирован с формированием сознания, это китайский символ инь-янь, черное и белое, день и ночь, мужское и женское, сознание и бессознательное в единой целостности. Это, по лаконичному определению Лао-цзы, нечто бесформенное, но завершённое, то, что существовало до земли и небес. Эта завершенность и бесформенность содержит в себе в свернутом виде весь многообразный мир, который формируется из космического бессознательного. Эта абсолютная форма является, по Э. Нойманну, местом возникновения и зачаточной клеткой созидания. В древнеегипетской мифологии это Уроборос, первобытный дракон начала, кусающий свой хвост и сам себя порождающий. «*Draco interfecit se ipsum, maritat se ipsum, empraegnat se ipsum*» (дракон рождает самого себя, женится на самом себе, убивает самого себя). Эта завершенность, имеющая различные символы в различных культурных традициях, представляет собой, согласно Э. Нойманну, стадию рассвета, зарю человечества, одновременно, раннюю стадию развития ребенка. Новорожденный часто пытается укунить свою ножку, бессознательно воспроизводя фигуру Уробороса. «Истинность и реальность уробороса как символа имеют коллективную основу. Он соответствует эволюционной стадии, которая может быть "повторена" в психической структуре каждого человеческого существа. Он функционирует как трансперсональный фактор, который соответствует психической стадии, предшествующей формированию Эго. Более того, его реальность вновь познается каждым в раннем детстве, и личное переживание ребенком этой, предшествующей Эго, стадии восстанавливает старый путь, пройденный человечеством».¹¹

Символический процесс формирования мирового сознания имеет свое отражение в психической жизни каждого конкретного человека. Космическая завершенность и бесформенность представляет собой коллективное бессознательное человека, которое лишено временных и пространственных границ. Это коллективное бессознательное является, по выражению Э. Нойманна, «предродовым временем». Прошлое Эго не есть прошлое сознательной личности, но прошлое формирования психики. Поэтому переживание жизни каждой конкретной личностью включает в себя состояние коллективной или объективной сопричастности к этой вневременной стадии формирования психики. «Зачаточный и все еще недоразвитый зародыш сознания Эго дремлет в совершенном круге и просыпается. Не имеет значения, имеем ли мы дело с образом этой психической стадии, представляющей себя как символ, или поз-

¹⁰ Там же, с.15.

¹¹ Там же, с.18.

же Эго описывает эту предварительную стадию как свое собственное прошлое. Поскольку Эго в зародышевом состоянии не может иметь ни собственных переживаний, ни даже психических ощущений, так как его способное ощущать сознание все еще дремлет в зародыше, позднее Эго опишет это раннее состояние, о котором оно имеет неопределенное, но символически целостное понимание, как "предродовое" время. Это время существования в раю, обиталище психики, предшествующее миру, время до рождения Эго, время охваченности бессознательным, плавания в океане нерожденного»¹².

В коллективном бессознательном каждого человека функционирует, по выражению Э. Нойманна, состояние «сейчас и навсегда». Мы обозначаем его как состояние «везде и всегда», в противоположность временному состоянию Эго «здесь и сейчас». Это проблема соотношения времени и вечности, проблема несовпадения временных границ сознания и коллективного бессознательного. В личном бессознательном время также не фиксируется, на этом уровне функционирования психики царит тот же закон «везде и всегда». На уровне коллективного бессознательного, не отягощенного вытесненными переживаниями личностного детства, функционирует вневременность и бесконечность. «Все находится еще в состоянии вечного бытия; солнце, луна и звезды – эти символы времени, а значит и смертности, еще не созданы; день и ночь, завтра и вчера, генезис и распад, постоянное движение рождения, жизни и смерти еще не пришли в мир. Это доисторическое состояние бытия есть не время, а вечность, также как и время до зачатия, рождения и появления человека есть вечность. И также как не существует времени до рождения человека и Эго, лишь вечность, так нет и пространства – только бесконечность»¹³.

Аналитическая теория парциальных личностей, или Альтер-эго, основывается, таким образом, на признании архетипов коллективного бессознательного, число которых бесконечно. В этой парадигме психологической науки понятие «личность» становится несколько условным, поскольку в поведении человека персонификации коллективного бессознательного занимают главное место. Парциальные личности, которые время от времени овладевают полем сознания, вытесняя оттуда Эго-комплекс, представляют собой вполне автономные личности, обладающие, как мы уже об этом говорили, своей психофизиологией и своей биографией. Значит, личность составляют разрозненные автономные личности, не связанные между собой смысловой нитью. В здоровом психическом состоянии персонификации активизируются в соответствии с социальными требованиями среды. Они подчинены контролирующей функции сознания. При диссоциативном расстройстве идентичности утрачивается именно эта контролирующая функция. Парциальные личности оказывают непосредственное воздействие на эмоции и поведение личности. Активизированная идентичность вступает в межличностные отношения и привносит в эти отношения новый характер, новые эмоциональные и поведенческие модели.

Часто мы не узнаем одного и того же человека, поскольку вместо привычного для нас образа в нем активизирована иная парциальная личность. С этой точки зрения Эго, будучи временным центром сознания, может рассматриваться и как парциальная личность. Парциальные личности находятся в

¹² Там же.

¹³ Там же.

постоянном взаимодействии, такая картина присуща здоровой психике. Очень часто тревожные неосознаваемые состояния личности являются следствием конфликтов парциальных личностей между собой. Таким следствием может считаться как дезадаптивное, так и девиантное поведение. Психосоматические заболевания также могут рассматриваться в этом контексте. В нормальном психическом состоянии всегда в каждый данный момент активны несколько парциальных личностей. Однако все они нацелены на обеспечение адаптации к внешнему и внутреннему миру. Это значит, что мы можем рассматривать личность как интегративную структуру, вмещающую в себя различные автономные парциальные субличности, объединенные единым центром.

В психотерапевтической практике, как правило, прошлое личности, факторы и компоненты патогенеза в некотором смысле отсекаются от ее настоящего и будущего. Часто многие терапевты просто провоцируют такой подход, советуя человеку забыть прошлое и попытаться в ином ракурсе оценить свою жизнь. Тем самым прошлое личности отсекается от его настоящего и с течением времени обрастает собственной автономией. Таким способом формируются новые субличности, ранее отсеченные от целостной психики человека. Каждая новая субличность – это психическая проблема, неассимилированная адаптационной системой личности. Выпадая из хронологической последовательности жизнедеятельности, из адаптационной системы личности, психическая проблема перебрасывается в бессознательную вневременность. Здесь она обретает свое место. И, что самое главное, здесь она развивается на бессознательном уровне. Проблема находит для себя смысловые ассоциации в прошлом, личность формирует новую биографию.

Таким образом, вытесненная проблема (травма) не отмирает в бессознательном, напротив, она начинает активный процесс формирования смысловых ассоциаций. Вытесненная в бессознательное травма, становясь субличностью, обрастает новым смыслом и переходит порог Я-сознания в виде расстройства. В бессознательном травма не отмирает, а приобретает новую смысловую форму, латентно развивается. Поэтому определенное время (для каждого это время индивидуально) человек не испытывает негативных состояний. Психическое здоровье Я-сознания длится до тех пор, пока в бессознательном формируется патология. Травма уходит вглубь, она попадает на благодатное поле латентного развития вне контроля Я-сознания. Поэтому те или иные стрессогенные ситуации приобретают у различных людей различные формы негативных состояний. Так как в бессознательном функционирует принцип вневременности, то здесь не работает логика прошлого и настоящего, здесь все вытесненное подлежит смысловому развитию вне временных рамок. Именно поэтому травмы детства формируют субличности зрелого возраста. Негативные переживания травмы вытесняются из сферы времени, так как здесь они несут в себе крайне разрушительную функцию. Высокий уровень негативных переживаний не может быть ассимилирован адаптационной системой человека в данном конкретном возрасте. Поэтому всякое психическое расстройство – это расстройство возраста, выпадение психологического возраста из хронологической последовательности жизни.

Травма, таким образом, есть неассимилированный возраст личности. В психологическом смысле в человеке заболевает возраст личности, точно так же

как в трагедии-травме народа его история не ассимилирована его коллективным бессознательным. Сформированные Альтер-личности берут на себя разрешение травматического прошлого личности, поэтому они и формируются. А так как в своей автономной психической реальности травматическое прошлое получает свое разрешение, то пациент не желает интегрировать эту Альтер-личность в единое психическое поле жизнедеятельности. Способом разрешения травматического прошлого становится отказ от основной идентичности и формирование новой личности, в биографии которой этого прошлого нет. Поэтому этот способ разрешения травмы становится панацеей и новая Альтер-личность сразу же получает защитную оболочку, которую мы часто называем сопротивлением. Если в единой целостной психической жизни травматическое прошлое вытесняется и, следовательно, не ассимилируется в психическую целостность, то в такой ситуации формируются Альтер-личности, и смысл их формирования – в дистанцировании от прошлого. Поэтому самым «эффективным» способом разрешения травматического прошлого становится отказ от основной идентичности. Новая Альтер-личность освобождается от травматических переживаний, потому что в ее биографии их уже нет. Формируется новая биография, новая личностная история. А так как в бессознательном время как таковое отсутствует, т.е. отсутствует возрастная конкретика, то новая субличность может иметь возраст отличный от реального. То же самое касается и половой принадлежности, которая в бессознательном недифференцирована. Бессознательное по своей природе андрогинно или трансгендерно. Поэтому смена пола субличности не подвергается контролю бессознательного.

Каждая Альтер-личность обладает собственной биографией, и активизация новой идентичности, как правило, имеет скрытую позитивно направленную цель. Это означает, что диссоциативное расстройство личности часто имеет адаптивные функции, которые могут проявляться в психотерапевтическом процессе.

ՎԼԱԴԻՄԻՐ ՄԻԿԱԵԼՅԱՆ – Նույնականության դիսոցիատիվ խանգարումը վերլուծական հոգեբանության լույսի ներքո – Հոդվածում նույնականության դիսոցիատիվ խանգարումը բնութագրվում է որպես անձի հոգեբանական գործառնության ժամանակային (տարիքային) գործոնի խախտում: Տարբեր անձինք զուգահեռաբար գործող տարբեր տարիքային և հոգեֆիզիոլոգիական չափումներ ունեցող հոգեբանական ռեալություններ են: Հոգեբանական վերլուծության տեսանկյունից անձի անցյալը ոչ թե գիտակից անձի անցյալի էզոն է, այլ հոգեկանի ձևավորման անցյալը: Հեղինակը գտնում է, որ ամեն մի անձի կյանքի ապրումը ներառում է հոգեկանի ձևավորման՝ այդ ժամանակահատվածի կոլեկտիվ համամասնակցության վիճակը:

VLADIMIR MIKAELYAN – Dissociate identity disorder in the context of analytical psychology. – Analytical theory of partial identity or alter-ego is based on recognizing the archetypes of the collective unconscious. Underlying these figures are exactly those archetypes, whose number is infinite. In this paradigm of psychological science, the notion of identity becomes somewhat arbitrary; given the fact that human behavior is the personification of the collective unconscious.